ЯЗЫК СМИ

Г.Я. Солганик, докт. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: g4sol@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ СТИЛИСТИКА

В статье обосновывается необходимость новой научной дисциплины – интерпретационной стилистики. Основу ее должны составить стилистика, семантика, лексикология, история языка, объединяемые проблемой выбора слова, сочетаемости лексем. В этой дисциплине должны получить толкование все трудные случаи словоупотребления, в том числе относящиеся к языковому чутью.

Ключевые слова: *интерпретация, выбор слова, сочетаемость, интерпретационная стилистика.*

The purpose of the article is to ground a necessity of new branch of science – Interpretative Stylistics. Its basis must consist of stylistics, semantics, lexicology, the history of language. All these disciplines should be united with the problem of searching word. All difficult cases of usage (including those concerning linguistic flare) should be interpreted in Interpretative Stylistics framework.

Key words: *Interpretative stylistics, semantics, lexicology, history of language.*

Анализируя структуру современной лингвистики, нельзя не прийти к выводу, что в ней недостает если не отрасли, то важного раздела. Как известно, язык в самом упрощенном смысле составляют грамматика и лексика – слова и правила их употребления, соединения. За соединение «отвечает» синтаксис (по определению одного из словарей лингвистических терминов, «учение о соединении слов в связной речи»).

Однако синтаксис определяет лишь **схему** соединения слов. Реализация же схемы, наполнение ее подчиняется другим закономерностям (правилам). Так, переходные глаголы (со значением действия) предполагают схему, при которой действие направляется на предмет, изменяет или производит этот предмет – объект действия, выражаемый винительным падежом без предлога.

Элементы схемы (переходный глагол и винительный падеж слова, обозначающего объект) обязательны. Но конкретное заполнение схемы далеко не произвольно. Так, мы говорим *укоротить платье,* но вряд ли мы скажем без особого задания *укоротить океан, бурю, кисель, кашу* и т.п. Помимо схемы приходится учитывать и законы сoче-

таемости. Здесь и сосредоточено поле для новой научной дисциплины, которую можно назвать интерпретационной стилистикой.

Синтаксис исходит из структуры текста (предложения, словосочетания). Он дает обобщенную формальную связь: [пис]ать – [вин. пад.]. Он диктует форму падежа дополнения при переходных глаголах. Но он не предсказывает, какие конкретно слова могут использоваться при том или ином глаголе. Синтаксис изучает отношения между компонентами словосочетания и отношения между членами предложения. Но наполнение, реализация этих отношений совершается под действием других закономерностей, лежащих в сфере лексикологии, семантики, стилистики.

Синтаксическое значение – это грамматическое значение. В речи оно выступает в обрамлении лексического значения (в тесном переплетении с ним). На скрещении синтаксического и лексического значений и возникает проблема выбора слова, проблема сочетаемости. Процесс этот можно представить следующим образом.

Глагол (обратимся к глагольным связям как наиболее наглядным) обозначает, в частности, действие. Действие в соответствии с Логическим словарем Н.И. Кондакова (М., 1971) – «явление, которое следует за другим явлением (причиной) и вызывается последним. Действие всегда предполагает источник, причину действия и возможный результат». *Писать письмо* – действие *писать* обусловлено причиной (*письмо)*. Действие реализуется в создании предмета (объекта) *письмо*. Этот объект образует связь **действие – результат.**

Другая возможность реализации действия – указание на субъект действия: *Он пишет*. Причиной действия, его реализации служит субъект, который производит действие. И в том и в другом случае распространяется глагол, но в первом случае он распространяется исходя из собственных внутренних ресурсов, а во втором – он распространяется благодаря внешней причине: его приводит в действие субъект. Отсюда принципиальное различие в значении: при распространении глагола посредством объекта последний полностью подчиняется глаголу. Связь очень сильная. При распространении посредством субъекта связь внешняя, обусловленная субъектом (он пишет, рисует, поет и т.п.). Значение общее, недифференцированное.

Это различие касается и других падежных форм (не только винительного прямого объекта): *писать карандашом* – инструментальное значение; происходит конкретизация значения (Ср. *он пишет*). В речи отмеченное различие выражается в том, что левая валентность (связь с субъектом) имеет внешний характер, а правая – внутренний характер – вытекает непосредственно из действия и предполагают результат.

Эти два отношения, если ограничиться глагольными связями, их анализ и составляют предмет научной дисциплины, которую мы определили как интерпретационную стилистику.

Истоки описываемого здесь подхода можно увидеть в двух статьях Л.В. Щербы «Опыты лингвистического толкования стихотворений»: «Я уже неоднократно высказывался устно и печатно о том, что нашей культуре издавна не хватает умения внимательно читать и что нам надо поучиться этому искусству у французов <...>. И я буду счастлив, если мои опыты пересаживания французского explication du text (так называются соответственные упражнения во французских школах, средних и высших) найдут поддержку и помогут строительству новой, социалистической культуры в нашей стране» [Щерба, 1936, с. 129].

В этих двух статьях (первая посвящена анализу стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание») содержится тонкий, эстетически точный лингвистический анализ. Цитировать можно любое место, например: «Слово *полупрозрачная* («Полупрозрачная наляжет ночи тень») имеет в себе три ярких семантических элемента: «половинный», «сквозь» и «смотреть», а потому является в высшей степени выразительным словом, богатым сложными ассоциациями. Из этих элементов два последних придают слову действенный, глагольный характер, а первый – ту таинственную дымку, о которой была речь выше».

Л.В. Щерба дал образцы лингвистического толкования стихотворений. Но анализ подобного типа необходим по отношению к любому тексту, так как для любого текста актуален вопрос выбора слова в соответствии с целью, жанром, замыслом. Меняется установка, аспект анализа, но суть его остается той же – стилистический анализ слова в контексте. Иначе говоря, интерпретационная стилистика.

Интерпретации в когнитивном аспекте посвятил несколько работ В.З. Демьянков: *«Процедура **И*** (интерпретации. – *Г.С.*) состоит в выдвижении и верифицировании гипотез о смысле всего выражения (или текста) в целом. Каждый промежуточный шаг связан с ожиданием – предвосхищением – и характеризуется:

- объектами ожидания (тем, по поводу чего предвосхищения появляются;

- основаниями ожиданий (более или менее вескими)» [Кубрякова, Демьянков, 1996, с. 32].

В.З. Демьянков пишет об интерпретации в когнитивном смысле. Однако эту процедуру можно рассматривать и более широко. Дело в том, что любой выбор слова – это по существу интерпретация: номинация (соответствие реальному предмету) и синтагматика (соответствие линейному тексту). Анализ этих двух отношений и составляет суть интерпретации.

К интерпретации следует отнести и словоупотребление, объясняемое обычно чувством языка, интуицией и т.п. Однако фактически речь идет об опыте, накопленном, но не эксплицированном носителями языка. Норма в таких случаях определяется статистически или ссылкой на авторитеты. Все подобные наблюдения составляют предмет интерпретационной стилистики.

В качестве примера возможной стилистической интерпретации рассмотрим два отрывка из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»:

«Поодаль в сторонке стоял Степан Астахов в фуражке с приспущенным на подбородок лакированным ремешком. Он вертел в руках железную занозу, дрожал посеревшей нижней челюстью и бровями»[1].

«Прохор рукавом шинели вытер со вздувшейся щеки полосу проступившей крови, задрожал губами»[2].

Обращают на себя внимание обороты с глаголом *дрожать* и Тв. падежом существительного: «дрожал нижней челюстью и бровями» «задрожал губами». Дело в том, что в норме (обычном употреблении) глагол *дрожать* не управляет Тв. падежом. Об этом свидетельствует, в частности, Толковый словарь под редакцией Д.Н. Ушакова (СУ):

«Дрожать. 1. Сотрясаться, колебаться. Пол дрожит от танцев. Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре. А.К. Толстой. 2. Испытывать дрожь, трястись. Он дрожал от холода. От страха у него дрожали колени // быть прерывистым, неровным, изменяющимся. Голос дрожит. Свет дрожит. 3. Трепетать, бояться (книжн.). Мы не дрожим перед врагом. 4. за кого-что. Оберегать, заботиться, испытывая опасение. Мать дрожала за своих детей.

Шолоховские обороты ближе всего ко второму значению, отмечаемому СУ: «Испытывать дрожь, трястись». Однако СУ не отмечает возможность управления Тв. падежом, предпочитая обороты типа *(у него) дрожат зубы, ноги*.

Как оценить анализируемые обороты? Чем оно вызвано? Есть ли у него перспектива?

Любое действие в плане коммуникации – это связь, средство связи. Оно предполагает источник связи и его результат (действие воплощается во что-либо). Суть языковых процессов, если ограничиться глагольной сферой, сводится к взаимоотношению между действием (процессом) и предметом, т.е. между глаголом и именем. При этом можно выделить две крупные сферы такого взаимодействия: 1) имя как источник действия (синтаксис предложения) и 2) имя как результат действия (синтаксис словосочетания). Различие принципиальное. В первом случае (*Он пишет*) действие трактуется как со-

[1] *Шолохов М. А.* Собр. соч. Т. 2. М., 1956. С. 205.
[2] Там же. С. 252.

вершающееся неким субъектом. Оно представлено в целом, недифференцированно. Причина действия заключается не в глаголе, а в имени, субъекте.

Вторая сфера представляет действие не в целом, а как его часть, разновидность (писать пером, но не карандашом, кистью, красками и т.п.). Очевидна необходимость какого-либо объекта, вступающего в связь со значением глагола и оформляющего его значение. При этом общее значение в каждой из этих сфер содержит многообразные разновидности, оттенки.

Глагол *дрожать* имеет сложную семантическую структуру: он обозначает действие (сотрясаться, колебаться) и содержит имплицитный компонент (сему) – причину действия (от страха, холода, болезни и т.п.). Спектр причин очень широк. Взаимодействие названных сем обусловливает богатство значений (оттенков) и соответствующее эксплицитное разнообразное морфологическое выражение. Это может быть обозначение действия, причина которого подразумевается (*пол дрожит, лист дрожит, слеза дрожит*). Причина действия может быть выражена посредством предлога *от: дрожать от страха, от боли, от желания*.

Беспредложные сочетания с Тв. падежом существительного распространяют действие, обозначаемое глаголом, на предмет или его часть: *дрожать ногами, зубами*. Тв. падеж обозначает здесь не причину, а средство осуществления действия, т.е. имеет инструментальное значение. Поэтому *дрожат ноги* и *дрожать ногами* различны по значению. В оборотах *ноги дрожат, болят, ноют* действие предстает как целостное, недифференцированное. Причина действия не выражена, имплицитна. *Дрожать ногами* предполагает конкретизацию действия (дрожания). Но специфика значения глагола *дрожать* не допускает такой конкретизации: *ногами* не является причиной дрожания. Значение глагола искажается: оно смешивается с инструментальным, ср. шутливое *Не дрожи бородой*.

Однако вполне нормативен оборот *дрожать всем телом*. Когда берется весь объект (*всем телом*) инструментальное значение устраняется. Глаголы типа *дрожать* изначально подразумевают охват всего предмета: *Он дрожит = Он весь дрожит = Он дрожит всем телом*. Таким образом, *Дрожит всем телом* имеет не инструментальное, а усилительное значение. Поэтому когда берется часть объекта (*дрожит ногами*), инструментальное значение вступает в противоречие со значением непроизвольности действия, не сочетается с ним. В семантике глагола *дрожать* преобладает значение действия, не зависимого от субъекта, совершающегося как бы само собой (ср. *дрожь берет, пробирает, кидает в дрожь*).

Характерно, что в производном однокоренном глаголе *подрагивать* значение непроизвольности действия ослабляется, поэтому возможен оборот с дополнением в Тв. падеже и без него: *Кавалерист стоял на платформе, подрагивая ногой* (Фурманов); *Только подрагивала его больная, с наплывом, отставленная нога* (примеры из СУ).

В первом примере речь идет скорее всего о действии осознанном, о своеобразной браваде кавалериста. Во втором примере – о действии непроизвольном, не зависящем от субъекта.

Глагол *дрожать* сочетает в себе признаки абсолютивных глаголов и глаголов, требующих дополнения. Ср. *волноваться, чувствовать* и *подпоясать, выправить*. В первом случае глагольное действие охватывает весь предмет и сосредоточивается в нем. Во втором – действие переходит на предмет и не замыкается в самом себе. Глаголы, обозначающие чувства, обычно управляют В. падежом. Но возможен и Тв. падеж: *любить всем сердцем, всей душой; любить сердцем, головой*. Это не чисто инструментальное значение (ср. *копать лопатой),* но его расширение, усиление, перенос (ср.*любить головой* – рационально, расчетливо). Ср. также шутливое: *Женщины любят ушами*.

Таким образом, глаголы чувств допускают Тв. падеж (инструментальное значение), но это значение специфичное, преобразованное. *Дрожать* не относится к глаголам чувств, точнее, он связан с ними косвенно. Эта связь подразумевается в качестве причины, но не способа действия. Поэтому в норме Тв. падеж не сочетается с этим глаголом. Что касается оборота *дрожать всем телом,* то он имеет усилительное значение и приобрел характер устойчивого клише.

Инструментальное значение могут приобретать разные глаголы. В плане нашего анализа представляет интерес фраза из романа Л. Толстого «Воскресение»:

«Вспоминая вчерашний вечер, проведенный у Корчагиных, богатых и знатных людей, на дочери которых, предполагалось всеми, он должен был жениться, он вздохнул и, бросив выкуренную папироску, хотел достать из серебряного портсигара другую, но раздумал и, спустив с кровати гладкие белые ноги, нашел ими туфли, накинул на полные плечи шелковый халат, быстро и тяжело ступая, пошел в соседнюю с спальней уборную, всю пропитанную искусственным запахом эликсиров, одеколона, фиксатуаров, духов»[3].

Обращает на себя внимание оборот *нашел ногами*. Писатель расширяет сочетаемость глагола *найти*, соединяя его с Тв. падежом существительного. В СУ такая сочетаемость не отмечена. *Нашел ногами* – выразительный оборот речи, лаконично рисующий целую картину (опустив ноги, шарит ими, нащупывая туфли). Здесь характерна сама

[3] *Толстой Л.Н.* Полн. собр. худ. произведений. Т. X111. М.; Л., 1930. С.13.

возможность сочетания глаголов, не имеющих управления в Тв. падеже, с этим падежом, возможность, которая может превратиться в тенденцию (см. ниже).

Возвращаясь к глаголу *дрожать*, следует сказать о взаимодействии двух его значений: абсолютивного (субъективированного, восходящего к субъекту – *дрожат ноги)* и инструментального, возникающего под влиянием других глаголов (*дрожать ногами)*. Однако значение глагола *дрожать* вступает в противоречие с инструментальным значением. Последнее предполагает осознанный акт (обозначает способ, средство действия – *писать пером),* а глагол *дрожать* применительно к человеку означает действие неосознанное, невольное. Здесь и заключаются разнообразные оттенки, воспринимаемые носителями языка как необычные, но имеющие эмоционально-экспрессивный характер.

В настоящее время преобладает субъективированное употребление глагола *дрожать*. Инструментальное значение используется спорадически. В Национальном корпусе русского языка из 19 362 746 предложений оно отмечено несколько раз: *дрожать коленными чашечками; не дрожать коленями; голосом можешь дрожать*.

И все же, несмотря на редкое употребление, у оборотов с Тв. падежом есть будущее. Вот характерный пример из материала опытного журналиста Марины Райкиной: «Актеры дрожат телами». «И хор вакханок (восемь молодых актеров) и женоподобный Дионис (Елена Морозова) дрожат собой»[4].

Исследование оборотов типа *дрожат ногами* подведомственно стилистике. Традиционно (начиная с Ш.Балли) к ее предмету относят изучение выразительных средств. Однако гораздо чаще ей приходится иметь дело с составляющими основу любой речи нейтральными средствами (словообразование, формообразование, сочетаемость, норма и отклонения от нее и т.д.). Все это изучается, но несистемно. Между тем необходима, как уже говорилось, интерпретационная стилистика, в которой объединятся все сведения, необходимые для выбора и употребления слова. Это позволит преодолеть свойственную современной практической стилистике некоторую эклектичность.

Теоретическую основу интерпретационной стилистики должны составить стилистика, семантика, лексикология, история языка. Это группа взаимосвязанных научных дисциплин образуют единый методический комплекс. Точные контуры ее установит время. Предварительно можно определить ее как науку (научную дисциплину), исследующую лексические, семантические, стилистические особенности слов, возможности их соединения /несоединения.

[4] *Райкина М.* Электротеатр открыли по-древнегречески // Московский комсомолец 28.01.2015.

Список литературы

Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. М., 1994.

Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Русская речь. 1936. № 11. С. 129.

Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. «Воспоминание» Пушкина // Русская речь. 1923. № 1.

Поступила в редакцию
09.06.2015